

призвано обнаружить способность этого вещества к гармонии, а следовательно, к главной задаче религиозного искусства – славословию Богу. При этом нужно помнить, что «в иконе говорят не цвета, а созвучия цветов» (архимандрит Рафаил), а потому через сложнейшее переплетение цветовой символики иконы раскрывается величие Божьего замысла, его грандиозность и безграничность.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Флоренский П. А.* Иконостас. – М.: Искусство, 1995. – 254 с.
2. *Рафаил (Карелин), архимандрит.* Язык православной иконы. – М.: Сатисъ, 1997. – 67 с.
3. *Попова О. С.* Проблемы византийского искусства. Мозаики, фрески, иконы. – М.: Северный паломник, 2006. – 1087 с.
4. *Флоренский П. А.* У водоразделов мысли. Т. 2. – М.: Правда, 1990.
5. *Успенский Б. А.* «Правое» и «левое» в иконописном изображении // Сборник статей по вторичным моделирующим системам. – Тарту: Изд-во ТГУ, 1973. С. 122-146.
6. *Флоренский П. А.* Анализ пространственности и времени в художественно-изобразительных произведениях. – М.: Издат. группа Прогресс, 1993. – 321 с.
7. *Карташев А. В.* Очерки по истории русской церкви. Т. 1-2. – М.: Терра, 1997.
8. *Флоренский П. А.* Избранные труды по искусству. – М.: Мифрил, Русская книга, 1996. – 335 с.
9. *Флоренский П., священник.* Сочинения в четырех томах. Том 2. – М.: Мысль, 1996
10. *Языкова И. К.* Богословие иконы. – М.: Изд-во Общедоступного Православного университета, 1995. – 118 с.
11. *Флоренский П.* Столп и утверждение Истины. Опыт православной теодицеи в двенадцати письмах. – М.: Академический Проект, 2012. – 862 с.

ОТРАЖЕНИЕ ПРАВОСЛАВНЫХ ТРАДИЦИЙ В ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ А.С. ПУШКИНА

© 2021 г. **Жигалова М.П.**,
доктор педагогических наук,
профессор кафедры белорусского и русского языков
Брестского государственного
технического университета,
заслуженный учитель Беларуси
zhygalova@mail.ru

В статье представлен анализ лирики Пушкина (стихотворений «Пророк», «Два чувства», «Вечерня отошла», «Видение Короля», фрагменты романа «Евгений Онегин») с позиций православных традиций и христианских ценностей.

Ключевые слова: традиции, православие, жизнь, духовный облик, лирика, поэт.

The article presents an analysis of Pushkin's lyrics (poems «Prophet», «Two senses», «Vespers departed», «Vision of the King», fragments of the novel «Eugene Onegin») from the standpoint of Orthodox traditions and Christian values.

Key words: traditions, Orthodoxy, life, spiritual appearance, lyrics, poet

Обозначенная проблема исследуется давно иерархами Православной Церкви, церковными публицистами, отечественными литературоведами и философами.

Ещё в 1933 году известный философ С.Л. Франк задавался целью «остановиться на религиозном сознании Пушкина». Он подчёркивал, что «...из всех вопросов пушкиноведения эта тема менее всего изучена; она, можно сказать, почти ещё не ставилась. Между тем, это есть тема величайшей важности не только для читателей Пушкина: это есть в известном смысле проблема русского национального самосознания» [13].

Уже к 100-летию со дня гибели поэта эта проблема стала всё чаще освещаться в серьёзных исследованиях в Харбине, Париже, Белграде.

Профессор К. Зайцев, впоследствии архимандрит и известный публицист, в статье «Религиозная проблема Пушкина» пришёл к выводу, что «...поэтическое творчество Пушкина дышит духовным здоровьем» [10, с. 45]. И с этим трудно не согласиться.

Сегодня можно заметить, что учёными проведена большая «текстологическая работа, которая позволила не только выявить новые тексты поэта, но и по-новому взглянуть на его наследие, бытовую среду, эпоху, в том числе, и на религиозное осознание читателем творчества Пушкина» [12], а значит, и на его изучение в средней и высшей школе [1; 3; 4; 5].

Опираясь на уже известные материалы, некоторые фрагменты биографии и творчества, мы всё же попытаемся проанализировать отдельные стихи поэта с позиций православных традиций и христианских ценностей.

Известно, что все основы нравственных ценностей закладываются в семье. Поэтому стоит отметить, что формально родители А. Пушкина не были чужды бытового Православия. Они служили молебны, приглашали на дом приходских священников, раз в год говели, но называть это искренней верой нельзя, так как, по мнению с-петербургского профессора Ивана Михайловича Андреева, «в семье господствовало ироническое отношение к религии, к Церкви и духовенству» [11, с. 13].

Заметим, что вся дальнейшая жизнь будущего поэта, к счастью, по милости Божьей, сложилась так, что ему были даны благие дары свыше. Посланы были уже с колыбели и добрые влияния на его жизненном пути, и врождённое доброе сердце, и чрезвычайно чуткая совесть, и повышенная моральная самокритика, и высочайшая и чистейшая эстетическая одарённость, и светлый

поэтический гений в особенности. И эта искренность, откровенность, прямотушие, непосредственность, честность и смелость натуры Пушкина, – всё отразилось в его творчестве.

По признанию самого поэта, «самым огромным грехом всей его жизни была кощунственно-циничная поэма «Гавриилиада», написанная в 1921 году (хотя не имеется ни одной строчки, написанной рукой поэта, но имеется собственноручно написанный им её план). Как известно, поэт отрекался от неё всю жизнь. И даже написал письмо Императору Николаю Павловичу о своём искреннем и глубоком раскаянии.

По мнению митрополита Анастасия (Грибановского), первоиерарха Русской Православной Церкви за границей (1936-1964), «Пушкин – поэт и творец Божьей милостью... и что если бы можно было разложить наш внутренний мир на его составные части, то в этой сложной психологической ткани мы нашли бы много золотых нитей, вплетённых в неё мощным пушкинским гением, ставшего неотъемлемой частью нашего духовного существования. Только внемля сладким звукам небес и созерцая сияние вечной божественной красоты, он подлинно в эти минуты молился сердцем и, свободный и счастливый, радовался своему духовному полёту, возносившего его над всем миром» [11, с. 66].

Только такое трепетное отношение к данному ему свыше таланту могло внушить ему стихотворение «Пророк», которое справедливо считается одним из величайших его творений, в котором заимствовал он из книги Пророка Исаии и свой образ. Поэт, по мысли Пушкина, как и Пророк, получает своё помазание свыше, и очищается, и как бы посвящается на своё служение тем же небесным огнём. Столь же высоки поэтому и нравственные обстоятельства, возлагаемые на него его исключительным дарованием: он должен быть орудием воли Божией

(«исполнись волею Моей») и своим вдохновенным глаголом жечь сердца людей. На такую высоту религиозного созерцания вознёс Пушкина его светлый гений.

Таков, впрочем, всегда есть характер истинной поэзии: она всегда была, по выражению Жуковского, «религии небесной сестра земная» [11, с. 69]. Родившаяся из религиозных гимнов, она продолжала звучать высокими небесными мелодиями и тогда, когда перестала служить непосредственно религиозным целям.

Сфера поэзии Пушкина – это идеальный мир, полного воплощения которого нельзя найти на земле; здесь нам сияют только его отдалённые отблески. Устремлённые к горным высотам и вечному солнцу истины и красоты, они и составляют подлинную душу поэзии: это есть, по словам Белинского, «божественный пафос», в котором наше сердце бьётся в один лад со Вселенной, земное сияет небесным, а небесное сочетается с земным.

Остановимся в этой связи лишь на одном стихотворении А. Пушкина, в котором дивно соединились любовь к отечеству и её религиозное обоснование. Это стихотворение «Два чувства...»:

*Два чувства дивно близки нам,
В них обретает сердце пищу –
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.
На них основаны от века
По воле Бога Самого
Самостоянье человека –
Залог величия его.
Животворящие святыни!
Земля была б без них мертва,
Без них наш тесный мир – пустыня,
Душа – алтарь без Божества.*

Как видим, сама история государства дорога поэту «как она есть, такая именно, как нам Бог её послал», что свиде-

тельствует о том, что каждый народ имеет своё предназначение и свою судьбу, предуказанную ему свыше.

Поэтому, читая пушкинское стихотворение, понимаешь, что национальное бытие каждого народа, основанное на живой органической связи его настоящего с его историческим прошлым, не есть только просто факт истории: это есть Закон Божий, воплощённый в общественной жизни человечества. Пушкин знал, какое значение имела Православная Церковь и в исторической судьбе других славянских народов – сербов и черногорцев, например, и потому его песни западных славян превращались в гимны Православию, которое свято блюдет народ, готовый всегда идти за свою веру на смерть, как и Православная Церковь блюдет и укрепляет народ, угнетаемый неверными, как это звучит в стихотворении «Видение Короля»:

*Громко мученик Господу взмолился:
«Прав ты, Боже, меня наказуя!
Плоть мою передай на растерзанье,
Лишь помилуй мне душу, Иисусе!»*

Православное мировоззрение Пушкина создало и его определённое практическое отношение к Церкви: он свято исполнял всё, что предписывал русскому человеку старый благочестивый домашний и общественный быт. Он посещал богослужение, исполнял долг говения, глубоко понимал значение исповеди и Святого Причастия для христианина, особенно в минуты тяжких душевных испытаний, как мы видим на примере героя стихотворения Кочубея.

С неподражаемым проникновенным настроением и теплотою поэт рисует состояние кающегося грешника и его духовного отца, принимающего на себя его греховное бремя в стихотворении «Вечерня отошла»:

*Трепещет луч лампы
И тускло озаряет он*

*И темну живопись икон,
И их богатые оклады.
И раздаётся в тишине
То тяжкий вздох, то шёпот внятней,
И мрачно дремлет в тишине
Старинный свод глухой.
Стоит за клиросом монах
И грешник, неподвижны оба.
И грешник бледен, как мертвец,
Как будто вышедший из гроба.
Несчастный, полно, перестань
Ужасна исповедь злодея...
Молись. Опомнись – время, время.
Я разрешу тебя – грехов
Сложу мучительное бремя.*

Согласитесь, что таких стихов нельзя создать только силою одного воображенья, их надо пережить и пере-чувствовать. Пушкин не только помнит своих дорогих отошедших, но и поминает их церковной молитвой в нарочитые дни, заказывая о них панихиды. Он считал излишним без нужды обнажать свои религиозные чувства перед другими, считая, что они тогда в значительной степени теряют свою внутреннюю ценность.

Брак и семья, освящённые церковным благословением, были для него святыней. Эта мысль чётко прослеживается и в его произведениях, например, в романе «Евгений Онегин» в образе Татьяны, во имя святости супружеского долга отвергшей Онегина и заглушившей ещё не угасшую любовь к нему в сердце, останется навсегда образцом истинно православного отношения к браку:

Я вас люблю. К чему лукавить...

Но я другому отдана и буду век ему верна.

Все герои Пушкина, как бы они ни были порочны, возбуждают в читателе не презрение, а сострадание, потому

что все они совестливы. Да и самое описание страстей человеческих в поэзии Пушкина есть торжество совести:

*Ах! чувствую: ничто не может нас
Среди мирских печалей успокоить;
Ничто... Ничто... едина разве совесть.
Так, здравая она восторжествует
Над злобою, над тёмной клеветою...
Но если в ней единое пятно,
Единое случайно завелось,
Тогда – беда! как язвой моровой
Душа сгорит, нальётся сердце ядом
Как молотком стучит в ушах упрёк,
И всё тошнит, и голова кружится,
И мальчишки кровавые в глазах...*

И рад бежать, да некуда...ужасно!

Да, жалок тот, в ком совесть нечиста.

Пушкин, конечно, не был ни философом, ни богословом, но он был мудрецом, постигшим тайны жизни путём интуиции и воплотившим свои откровения в образной поэтической форме. Как отметил епископ Антоний (Храповицкий) в своём слове перед панихидой о Пушкине, сказанном в Казанском университете 26 мая 1899 года, «как человек Пушкин был, конечно, таким же бедным грешником, как и большинство людей его круга, но всё же он был грешник борющийся, постоянно кающийся в своих падениях» [11, с.134].

Нельзя не согласиться и с профессором Иваном Ильиным в том, что «Пушкин дал своим читателям возможность и основание, и право верить в призвание и в творческую силу... и потому иметь такого поэта и пророка – значит иметь Свыше великую милость и великое обетование» [11, с. 242].

Таковы некоторые страницы отражения православных традиций и ценностей, духовного облика поэта и его связи с Православием.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Жигалова, М.П. Духовное здоровье творчества А.С. Пушкина (к вопросу биографии и творчества) в 2 кн. Кн.1. Пушкин и Крым: коллективная монография. – Симферополь: «Крымский Архив», 2000. – 267с. – С. 25-32.
2. Жигалова, М.П. А. С. Пушкин о Бежамене Констане и его романе «Адольф» // Вестник Брестского университета. – 1999. – № 3. – С. 21-28
3. Жигалова, М.П. Познавая духовный мир: к опыту изучения лирики А.С.Пушкина в школе // Сборник научных материалов, посвящённых 200 –летию со дня рождения А.С. Пушкина / М.П. Жигалова. – Брест: БрГУ, 2000. – 264с. – С. 231-241.
4. Жигалова, М.П. Школьный литературный музей А.С.Пушкина в белорусском этногенезе как возможный международный туристический объект постижения русской культуры: ретроспективный и перспективный план. В кн. Пушкин в Белоруссии. К 210-летию со дня рождения писателя. Сборник докладов / М.П. Жигалова. – Минск: «Литературный свет», 2009. – С. 4-10.
5. Жигалова, М.П. Школьный литературно-краеведческий музей-клуб А.С.Пушкина как одна из форм творческой деятельности школьников // Материалы и сообщения. Респ. научн. конференция «Пушкин и белорусская литература» / М.П. Жигалова. – Брест, 1994. – С.96-98.
6. Жигалова, М.П. Познавая духовный мир: к опыту изучения лирики А. С. Пушкина в школе // Материалы научн. регион. конф. «Я лиру посвятил народу своему» / М.П. Жигалова. – Брест. – 1999.
7. Жигалова, М.П. Пушкинская формула счастья в понимании Владимира Колесника (по следам неопубликованного письма) // Материалы научн. конф. «Сучасныя праблемы беларусікі». – Брест, БрГУ. – 2000. – С. 57-59.
8. Жигалова, М.П. Школьный литературный музей А.С.Пушкина в белорусском этногенезе как объект постижения русской культуры / Сб. научн. докладов конф. XXVII Пушкинские чтения. 21 октября 2013: Сборник научных докладов/ Составитель В. В. Молчановский / М.П. Жигалова. – Москва, 2013. – 648с.: илл. – С. 391-401. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www1.pushkin.edu.ru/publ/nauka/konfer/xxvii_pushkinskie_chtenija/18-1-0-337
9. Зайцев К. Религиозная проблема Пушкина. В кн.: Россия и Пушкин, 1837-1937. – Харбин, издание «Русской академической группы», 1937.
10. Пушкин: путь к Православию. – Москва: Из-во «Отчий дом», 1996.
11. Пушкин в русской философской критике. – М.: Книга, 1990.
12. Франк С. Л. Путь // Париж, № 40, 1933.

«...ХОЧЕТСЯ СЛУЖИТЬ И ПРОРОЧЕСТВОВАТЬ». ОСОБЕННОСТИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ БИОГРАФИИ АНТОНА ВЛАДИМИРОВИЧА КАРТАШЕВА В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

© 2021 г. **Воронцова И.В.**,

кандидат богословия, кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник Православного Свято-Тихо-
новского гуманитарного университета
irinavoronc@yandex.ru

В истории нашей Церкви есть деятели с непростой судьбой и необычной биографией, которым было суждено сыграть важную роль в истории православной Церкви в России. Один из них – Антон Владимирович Карташев: академический профессор и «неохристианин», церковный историк и реформатор, и – последний обер-прокурор Святейшего Правительствующего Синода, подготовивший передачу полноту церковной власти Поместному Собору Православной Российской Церкви. В перипетиях его интеллектуальной биографии как бы отразилась вся необычайная на события и разнообразие религиозного поиска эпоха начала XX века, приведшая, к значимым событиям в истории Русской Церкви.

Ключевые слова: Антон Владимирович Карташев, церковный и общественный деятель, неохристианин, лидер религиозного движения начала XX века.

In the history of our Church there are figures with a difficult fate and an unusual biography, who were destined to play an important role in the history of the Orthodox Church in Russia. One of them is Anton Vladimirovich Kartashev: an academic professor and «neo-Christian», a church historian and reformer, and the last chief prosecutor of the Holy Governing Synod, who prepared the transfer of the fullness of ecclesiastical authority to the Local Council of the Orthodox Russian Church. The twists and turns of his intellectual biography reflected, as it were, the entire epoch of the early twentieth century, extraordinary for events and